

18+

Валентин Панкевич

Как мы жили

Валентин Панкевич

Как мы жили

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70994854
ISBN 9785006441439*

Аннотация

Сборник включает автобиографическую, художественную, публицистическую прозу и стихи. Вы узнаете, как жилось в деревне Аксаковщина начиная с 30-х годов XX века, как на белорусской земле проходила война и послевоенные годы. Побываете на заливных лугах Ислочи, прочитаете воспоминания о предках, семье и односельчанах автора, местные легенды и байки, рассказы о новой городской жизни. Сборник предназначен широкому кругу читателей, но прежде всего – родным, друзьям и близким Валентина Геогриевича.

Содержание

Об авторе	8
РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ ПАНКЕВИЧЕЙ	10
Из истории родного края	10
Слово об отце	10
Дед Прокоп Счастный	11
По рассказу моих деда и отца	12
Повесть бытия	16
Мое детство	16
Две войны	17
Люди	19
ПРОЗА	22
Павлюк и Ганна	22
Остров зла	31
Пуговка	33
Люди и тайна	36
Люди-загадка	37
История первая	37
История вторая	38
История третья	38
История четвертая	39
История пятая	39
История шестая	40
История седьмая	41

Внешние силы	43
Это было сегодня	45
Срок жизни	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Как мы жили

Валентин Панкевич

Редактор-корректор Мария Панкевич

Дизайнер обложки Игорь Смирнов

© Валентин Панкевич, 2024

© Игорь Смирнов, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-4143-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валентин Георгиевич Панкевич (18.01.1933 – 01.05.2021)

Посвящаю книгу внукам Маше и Виталику.
В. Г. Панкевич

Об авторе

Валентин Георгиевич Панкевич родился 18 января 1933 г. в деревне Аксаковщина Минского района. Детство и юность провел на заливных лугах реки Исlochъ. Во время войны погибла его мать, с 7 лет он рос сиротой.

Учился в сельской школе. Работал на Минском хлебо-заводе мукомолом. В 15-летнем возрасте стал воспитанником отдельного взвода ВСО МВД. После окончания службы в ВСО окончил техническое училище киномехаников (совр. Минский государственный колледж сферы обслуживания) при Министерстве культуры СССР по специальности «киномеханик». Много лет проработал на Минском часовом заводе «Луч» мастером по ремонту часов. Был женат на Евгении Ивановне Панкевич (Козловской), у них было двое сыновей, двое внуков и внучка.

Писать и печататься начал в зрелые годы. Писал прозу и стихи, работал внештатным корреспондентом газет «Центральная», «Луч», «Наша жыццё».

Это 6-я книга Валентина Георгиевича, ранее небольшими тиражами вышли 5 сборников художественной прозы и стихов: «Рассказы. Стихи» (1994 г.), «Рассказы. Новеллы. Стихи» (2000 г.), «Искры росы» (2003 г.), «Грешные люди» (2006 г.), «Избранное» (2012 г.). Автор подарил экземпляры библиотекам Минска.

На пенсии Валентин Георгиевич подготовил материалы для данного сборника, их отредактировала и издала внучка Мария Панкевич. Книга издается посмертно.

Валентин Георгиевич умер 1 мая 2021 г., в Страстную субботу накануне Пасхи. Похоронен на малой родине – на кладбище поселка Тресковщина Минского района.

М. Д. Панкевич

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ ПАНКЕВИЧЕЙ

Из истории родного края

Как-то внучка Машенька спросила у меня, есть ли наша родня в деревне Малявки, что в Минском районе. Она рассказала, что познакомилась с музыкантом по фамилии Панкевич. Он интересовался, откуда Маша Панкевич родом. «Возможно, мы с тобой родня», – предположил он.

«Да, – тогда ответил я внучке, – далекая родня». Позже в свободное время я стал вспоминать, что в детстве мне говорили отец и дедушка о деревне Малявки.

Деревню Малявки основал брат моего дедушки Юрий. Он и дал ей такое название, потому что в ней стояло всего три дома.

Слово об отце

Мой отец Панкевич Юрий был трудолюбивый крестьянин. Умный мужик, я бы сказал так. В свои молодые годы воинскую повинность отбыл в Кыргызской Республике. Молодых белорусских парней большевики посылали подавлять

непокорные народы, которые сопротивлялись России. Киргизия, Туркменистан, Узбекистан – они все боролись за свою независимость. А в Кремле говорили: «Мы воюем с басмачами».

В Отечественную войну отцу повезло: он не попал на фронт. Тому была веская причина: в 1943 году во время войны погибла моя мама, и ему пришлось кормить нас, пятерых деток-сирот.

Когда Беларусь освободили от немецкой оккупации, власти посмотрели, что невыгодно отправлять на фронт старика, а деток забирать в детдом. В деревне Аксаковщина остались одни бабы, надо было кому-то из мужиков восстанавливать колхоз. Отца поставили бригадиром. «Давай фронту хлеб, продукты. Голодный солдат не победит!» – кричали проверяющие комиссары, приехав к отцу из местечка Толкачи близ Заславля.

Дед Прокоп Счастный

Деда по линии отца я не помню, он умер рано. Все, что я знаю о нашей родословной, мне рассказал дедушка Прокоп Счастный, отец моей мамы, у которого я долгое время жил после ее смерти. Все для фронта, все для победы – так мы и жили до конца войны.

А рассказал мне мой дедушка Прокоп Счастный многое. Он тоже в свои молодые годы служил верой и правдой рос-

сийскому царю около самой китайской границы. Однажды он, защищая Россию, в бою с контрабандистами потерял левый глаз. (Я уже писал об этом в книге «Искры росы».) Он мне сказал, что деревня Аксаковщина раньше стояла вдоль реки Исlochь, а позже ее перенесли на более высокое место, подальше от реки. И что мой прапрадед пришел из Польши, из города Кракова. Он был купцом.

О себе дедушка Прокоп много не любил рассказывать, я только знал о том, что его отец с семьей жили в деревне Великое Село недалеко от Ракова. Потом большевики, чтобы переманить крестьянина на свою сторону, наделили его землей – дали хутор в Каменном лугу. А позже, когда окрепли, землю и хутор отобрали и загнали в колхоз в деревню Карасевщина, где он и умер в одиночестве.

По рассказу моих деда и отца

Наш далекий предок пришел в эти края из Кракова. В те времена люди перемещались по земле свободно. Не было границ в их нынешнем понимании, а средством передвижения была обычная лошадь.

Поскольку прадед был сыном купца, ему больше других доводилось путешествовать. Краков имел торговые связи со многими городами, в том числе с Минском.

Торговый путь шел через Ивенец, Воложин и Раков. На всем его протяжении располагались постоянные дворы, где

почтовые и торговые люди останавливались, чтобы отдохнуть, накормить лошадей. Сами шли в корчму поесть, выпить кружку пива или вина.

Один такой двор с корчмой находился недалеко от Ракова, на том самом месте, где сейчас раскинулся санаторий «Аксаковщина». Мои земляки долго это место называли «бэрковщина», по имени потомственного корчмаря еврея Бэрки. В его семье было девять дочерей и один сын. О том, что он умел принять приезжих людей хорошо, говорит тот факт, что его винные погреба уцелели до наших дней. По-видимому, не один раз мой далекий предок останавливался на постоялом дворе у Бэрки. Корчма стояла на высоком берегу полноводной реки Исlochь, а сама деревня Аксаковщина растянулась вдоль реки.

Отец как-то мне рассказывал, что именно в этих местах молодой купец из Кракова и встретил девушку-крестьянку по имени Мария. Трудно сейчас сказать, как парень с девушкой познакомились. Может быть, юная крестьянка пришла на постоялый двор к проезжим продавцам, чтобы купить ситец или незамысловатые украшения. Или приезжий купец, гуляя по лесной тропинке, встретил свою судьбу – белокурую красивую селянку. Что парень влюбился – это факт. После этой встречи он заявил отцу, что женится и останется на белорусской земле. Отец, конечно, не одобрил решение сына, но принял его и помогал сыну материально.

Жизнь шла своим чередом. Тогда еще полноводная, ре-

ка Исlochь все чаще и чаще выходила из берегов, затапливая дома и посе­вы. На деревенском сходе было решено перенести деревню на более высокое место. Тут, кстати, она и стоит до сих пор. Поэтому и старое кладбище оказалось посреди села. Захоронение делалось раньше, чем застройка жилых домов.

Там же, где стояла деревня Аксаковщина, сейчас растет сосновый лес. Мы пробовали раскапывать в лесу и находили в нем следы человеческого жилья.

Когда начали переносить дома на новое место, старый купец помог сыну поставить хороший дом. По рассказам деда, это была настоящая усадьба.

Дом состоял из двух половин – летней и зимней. На усадьбе было множество хозяйских построек. Стоял большой ток, где складывали зерно и сено.

Я хорошо помню этот ток. Он был сложен из толстых сосновых бревен, которых не касалась пила: эти бревна рубили топором. Даже углы были затесаны так мастерски, что со­единение не требовало никаких креплений. Не знаю, почему не пользовались пилой. Возможно, ее еще не было. Пери­ла и лаги на крыше были перевязаны лозой. Ни одного гвоздя я так на стенах и не видел. Хомуты сохи висели на дубовых колышках, торчащих из стены. Сам же ток состоял из двух просторных половин. На одной стороне складывали сено, а на другой – зерно. Между ними на площадке моло­тили цепями зерно. Уже в то время применялась и конная

молотилка: на манеже за током ходили и тащили молотилку кони.

Еще в той усадьбе было множество хлевов. У моего деда было много крупного и мелкого скота, были даже выездные лошади. Стояли поветь для хранения дров и инвентаря, склеп для картошки и свеклы. Хорошо помню и большой сад. Усадьбу ограждал добротный красивый забор.

Мой дедушка по отцовской линии умер рано. Я даже не знаю, как его звали. Даже мой отец Юрий говорил мне, что он его не помнит. По-видимому, его звали Юрка Панкевич, потому что нашу усадьбу в деревне всегда называли «Юрков колодец» или «Юркин двор». Но у него была большая семья. Три сына уехали в Россию, в город Питер. Дома еще остались сыновья и дочери. Обзавелись семьями, начали делить землю и строить отдельно свои дома. И потому победнели. Наши дальние и близкие поселились в деревне Провжалы Воложинского района. Три двоюродных брата моего отца ушли на фронт в 1943 году и погибли от немцев.

Повесть бытия

Мое детство

Помню себя с шести лет. Моя семья жила в деревне, которая находилась в двух километрах от советско-польской границы. У моих родителей была большая семья: трое сыновей и две дочери. Я рос посерединке. У нас был фруктовый сад с плодовыми деревьями: антоновка, белый налив, медовка, цыганка. В 1939 году по Белоруссии пошел сильный мороз, и наш садик погиб. Моя мама Анна Счастливая была умной женщиной, она всегда говорила отцу Юрию: «Детей жалея, как душу, а колоти, как грушу».

С нами жила и бабушка Мария, которая ежедневно молилась Богу. Она любила повторять пословицу: «Не чапайце ліха, калі спіць ціха».

В нашей деревне Аксаковщине было сорок домов, и в каждой хате – не менее шести душ. Жили дружно. На кулачные бои никто никогда не выходил.

Хорошо помню, как пала граница, и мы с отцом ездили к его братьям, которые жили под панской Польшей. У них на столе лежали свои хлеб и сало, которых мы за Советами не видели. Папины братья охотно делились и помогали нам продуктами.

Родные братья отца погибли во время памятной войны. Погибла и наша мама, и мы остались сиротами.

Война в нашу деревню пришла тихо. Прошел слух, что в местечке Ракове появились немцы. Тревожное время катилось, как снежный ком. Деревенские мужики из местного магазина унесли по домам все вещи. Нашей деревне повезло: мы еще жили мирно, когда немцы уже топтали солдатским сапогом улицы города Минска. Фронт ушел на восток, и жители Аксаковщины, помня о том, что земля когда-то принадлежала им, а не колхозу и государству, решили на сельском собрании вернуть землю людям, которые на ней работают. Каждая семья получила свой надел. Лошадей тоже отдали в частные руки. Колеса и сани колхоз добил до ручки, но единоличник-крестьянин все быстро восстановил. Моему отцу отдали бывшего нашего коня по кличке Антик, без уздечки и хомута. Трудолюбивые крестьяне за два года со своих наделов собрали хороший урожай зерновых и бульбы, и на столах у нас появились хлеб и молоко.

Но спустя два года кончилась трудовая жизнь в моей деревне. В лесах появились партизаны, и началась война под крышами.

Две войны

Могут ли в одно и то же время на одной и той же территории идти две войны? Могут! Ночью с мирным населени-

ем воевали партизаны, забирая нажитое ими добро. А сколько им надо было продуктов, одежды! Говорят, что в БССР местных вояк насчитали более миллиона человек. А днем хозяйничали немцы и полицаи – они воевали и с местным населением, и с партизанами.

Хорошо помню, как два здоровенных партизана из отряда имени Г. И. Котовского вытащили из нашего сарая поросенка. И били мою маму шомполами за то, что она не хотела его им отдать. В это время другой партизан из их отряда делал шмон в нашей хате. Пальтишко моей восьмилетней сестры Ани, которое висело на стене, положил в свой большой мешок. Потом пошел на кухню. Заглянул в печь: бульбу, крупу, что мама приготовила на завтра сварить, высыпал во второй мешок. Когда он вышел во двор и увидел тех, что забрали поросенка, отдал им приказ:

– Котовцы! Вы забыли прополоть огород.

И они пошли втроем в наш огород и стали вырывать лук, чеснок, морковку, которые еще не созрели. Остальное наше добро затапывали сапогами.

О том, что лесные вояки думали только про то, кого ограбить и где найти самогон, чтобы выпить, говорят такие факты. Немцы уже отступали по Раковской дороге, они в ближайших деревнях забирали коров. Все делали на ходу, в спешке. Партизаны могли бы предупредить местное население на день спрятать свою коровку в лесу, подальше от дороги, – но нет.

И когда наши уже выбросили десант около местечка Раков и разбили отступающую колонну, из леса в деревню на лошади явился партизан. Мы с отцом стояли около забора. И даже в тот день, когда партизанская власть кончилась, партизан остановил коня. Подошел к нам и по привычке сказал:

– Мужик, у тебя хорошие сапоги и штаны, сбрасывай и разувайся.

В это время к нам подошли соседи и говорят ему:

– Партизанская власть кончилась. Где ты был, когда немцы у нас из хлева забирали коровку?

Началась в деревне тяжелая голодная жизнь. Особенно было трудно нам, сиротам. Мы потеряли маму.

В лесах уже прятались не партизаны, а разбитые голодные немецкие солдаты. И сельчане по вечерам брали в руки трофейное оружие и стреляли в сторону Раковской дороги, чтобы отпугнуть мародеров. И опять партизаны не помогали нам.

Люди

Жизнь остановить нельзя. Сельчане, которые пережили немецкую оккупацию, помогали друг другу. У кого осталась коровка – делились молоком. А оккупанты еще нам оставили болезнь тиф. И это мы тоже пережили.

Мы с сестрой пошли в школу. Отец стал колхозным бригадиром. Началась мирная жизнь. Старшая сестра Аня по-

ехала в город Минск на работу, на первый кирпичный завод. Пришлось ей нелегко – в шестнадцать лет таскать кирпичи. Надо же было кому-то восстанавливать разбитый город. «Кирпичики и глинушка, болит живот и спинушка», – пели в то время девчата.

Время было такое. Раньше все ждали, когда же кончится война. А потом в деревне остались одни бабы, и тот долгожданный день пришел со слезами на глазах.

Отец в наш дом привел мачеху. И она начала нас изгонять из дома. Сестра Женя решила поступить в Минске в училище пищевой промышленности. Как-то она постирала полотенце – а мачеха его бросила в песок на улицу. Я, конечно, заступился за сестру, но терпеть мачеху больше не мог, решил уйти из дома.

Выручили земляки. Два наших парня служили в охране исправительно-трудовых колоний (ИТК) в МВД, туда добрый командир-лейтенант Левин и взял меня сыном в отдельный взвод, который находился в восьми километрах от Минска.

И так я в свои 15 лет стал охранником ИТК. Мне доверили оружие. А к совершеннолетию мне было присвоено первое воинское звание. Началась новая солдатская жизнь. Хотя и считался я вольнонаемным работником МВД ВСО, получал 30 рублей. Помогал сестре. А булка хлеба стоила в то время 16 копеек.

Послужил два года, и меня перевели в Минск на Опанско-

го.

Ребята мне сказали: «Хотя ты и отличник боевой и политической подготовки, но у нас тебе ничего не светит. Наш командир-лейтенант Михейчик – деспот. Он даже своего отца не пожалел, и за самогон его отец сидел в лагерях».

Все так и было, как говорили ребята на службе. Школа рабочей молодежи до поздней ночи. Придешь в казарму, только вздремнешь – а тебе уже начальник караула «Подъем!» кричит. На пост пора. Так я без ночного сна прослужил 3 года, и у меня началась аритмия.

Вся Вселенная живет в ритме, ее орбитали на Земле живут в ритме. Человек-землянин адаптировался к этой жизни. Ночью он должен спать. А меня посылали без сна на пост. И я решил уволиться из ВСО.

Началось скитание по частным квартирам. Окончил школу киномехаников. Получил диплом, а работы в Минске нет.

Пошел работать на Минский часовой завод учеником сборки часов. На МЧЗ я потихоньку вставал на ноги. Жизнь моя становилась более стабильной. Я хорошо освоил специальность мастера по ремонту всех марок часов. На заводе работало много хороших людей: это и Чуйков Сергей Иванович, и начальник ОТК Макарова Екатерина Петровна. Бывали, конечно, и пройдохи, но они долго на заводе не задерживались.

Так жизнь моя постепенно налаживалась.

ПРОЗА

Павлюк и Ганна Быль

Дело было во время войны. Старый Павлюк, которого в деревне все знали по кличке Килун, хорошо помнил выражение «голод не тетка». Когда он заколол кабана, ему пришлось хорошо подумать над тем, как сохранить добро. Причин для беспокойства было много. Деревню Лесную, где он жил и кормил семью – детей, жену и тещу, – навещали лазовики. Так в деревне называли вооруженных бродяг, которые приходили ночью и грабили крестьян. Днем в деревню подъезжали полицаи и тоже забирали крестьянское добро. Подумал-подумал Павлюк по кличке Килун и решил сало закопать в своем саду. Сложил его в ящик и ночью понес в сад.

***

Уважаемый читатель, извини меня за перерыв: сейчас мы оставим тяжелое военное время и поговорим о мирных днях. Я хочу тебе рассказать о жизни моих земляков до войны. Напротив дома Павлюка жила одинокая женщина. В деревне

Лесной ее называли Ганна Черный Халат. Настоящей ее фамилии никто никогда не вспоминал. Придет из леса домой дочка бригадира с грибами и ягодами и скажет отцу:

– В лесу я встретила Ганну Халат. Она несла большой кош боровиков.

Вернется домой мужик, косивший траву на заливном лугу, и поделится с женой:

– Я встретил Ганну Черный Халат, она пасет свою коровку.

Прозвище это Ганна получила неслучайно. Носила она свой черный халат и зимой и летом вместо платья и пальто. Особенно этот халат был на виду у сельчан в летнее время, когда все трудились на полях и в лесу.

Хозяйство Ганны Черный Халат состояло из коровки, пяти курочек и кошки. Огород ее тоже был небольшой: выращивала грядку лука, грядку морковки, две грядки капусты и сотку бульбы. Жила и питалась в основном за счет дойной коровы. Пасет свою буренку, а сама срезает серпом сочную луговую траву и кладет в мешок. Придет домой, положит траву на настил за сараем. Трава сохнет и становится сеном. Это корм для коровки на всю зиму.

В колхоз на работу она не ходила – говорила, что она инвалид детства. Иногда во двор к ней забегал колхозный бригадир.

– Ганна, – говорил он ей, – почему ты не ходишь на полевые работы? Заберем мы и твою телку в колхоз, – угрожал

бригадир, – вот тогда ты и запоешь голодовку.

Знали жители деревни Лесной, что у Ганны была дочка Клавка, но она уехала в Минск и там работает на обувной фабрике. Даже вышла замуж. Некоторые утверждали, что после отъезда дочка ни разу не навестила Ганну. «Она стесняется показать мужу свою неухоженную бедную мать», – говорили злые языки. «Но могла же она домой приехать одна хоть раз в год», – говорили другие.

Собравшись у колхозной конторы, жители деревни читали рабочий наряд и обсуждали деревенские новости.

Адам Мицкевич однажды им рассказал про своего соседа Петруся:

– Вы тут все про Черный Халат ля-ля. А знаете ли вы, как живет одинокий старик Петрусь? Чтобы выжить, он делает лапти из лыка. Плетет коши и вяжет шляпы из соломки. Огород посадить и убрать помогаем мы. Жалко старика. Он вырастил пятерых дочерей, и все они уехали в дальние города. Похоронив жену, он остался один. Самая младшая дочка Алеся живет ближе всех дочерей, в местечке Заславье, но даже она не навещает его. Вот я вам и расскажу, как он сам решил навестить ее.

Ранним летним утром, обув новые лапти и положив в полотняную торбу кусок сала, взял в руки киек и отправился в путь. До Заславля от деревни – десять километров. Надо было дойти до леса, пока солнце не поднимется высоко и не станет жечь его старые плечи. В лесу всегда легче ды-

шать – больше озона и меньше ветра.

Благополучно дед дошел до леса. Остановился передохнуть у реки Исlochъ. Вытер рушником пот со лба. Опустил свои мозолистые руки в холодную воду, посидел на зеленом лугу и пошел к дочке в гости, надеясь на радость встречи.

Как только он ступил на тротуар маленького городка, сразу почувствовал: по ровной дороге идти легче. Думая о встрече с дочкой, он прошел шагов двадцать и замер на месте. Навстречу ему вместе с подругой шла его дочь Алеся.

Но тут случилось то, о чем стыдно говорить. Дочка увидела отца первая. Вместе с подругой она свернула с тротуара на улицу и прибавила шаг. Старый человек даже не успел окликнуть ее.

Постоял, подумал. Уронил слезу на дощатый тротуар и пошел на местный базар. Продал свое сало. Зашел в магазин, на вырученные деньги купил булку хлеба, батон и отправился в обратный путь.

– Вот вам и дочка Алеся! – заканчивая рассказ, сказал Адам своим односельчанам. – А мы надеемся на детей, на их помощь.

***

Уважаемый читатель! Рассказав вкратце, как жили отдельные жители деревни Лесной до войны, я возвращаюсь в трудное, черное время, к началу моего рассказа. И вы узна-

ете, как сложилась судьба знакомой нам Клавки, дочери Ганны Черный Халат. И про сало, которое спрятал в своем саду крестьянский сын Павлюк, чтобы спасти свою большую семью от голода во время немецкой оккупации. О том, как жили жители деревни, мы уже кое-что знаем. Теперь посмотрим, как жили знакомые нам горожане во время войны.

Когда немцы подошли к Минску, на фабрике, где работала Клавка, поднялся переполох. Директор фабрики, партторг и все коммунисты в спешке бросили свое хозяйство, сели в машины и поехали на восток.

А у рабочих не было ни машин, ни лошадей, чтобы уехать из города. Клавка и ее муж Игнат не растерялись в это непростое время. Они, следуя примеру знакомых работяг, которые уже прихватили по паре готовой обуви на черный день, тоже занялись хапуном. Муж Клавки взял большой мешок, в котором он в мирные дни носил кожу, а жена стала наполнять его. Положила две пары хромовых сапог, три пары ботинок и красивых женских туфель. После того, как весь товар с фабрики рабочие разнесли по квартирам, Клавка и муж с мешком отправились домой. После бомбежки немцы оккупировали город.

И наши знакомые три дня тихо просидели дома. На четвертый день в дверь к ним постучали. В квартиру вошли полицейай и немец. Полицейский объявил Игнату, что по возрасту он должен находиться или в немецкой полиции, или в лагере для военнопленных. В разговор вступила Клавка, стала

просить непрощенных гостей отпустить их в деревню:

– У меня в деревне живет мама, там мы будем сеять зерно для новой власти.

Но, посмотрев в глаза незнакомцам, поняла, что мольбой не возьмешь, ничего не добьешься. И показала им хромовые сапоги, сказав полицейскому:

– Услуга за услугу.

Когда немец увидел сапоги, он сказал:

– Гут.

На этом разговор и оборвался. Уходя, полицейский сказал:

– Мы поговорим с комендантом. Возможно, и решим положительно вашу просьбу.

Время ожидания своей участи было ужасно. Продукты кончились. Как жить?

Но не судьба была нашим знакомым умереть с голоду. В оккупированном городе в один из черных дней, когда они уже потеряли надежду на спасение, к ним в квартиру зашли из немецкой комендатуры – тот же полицейский и тот же немец, которые приходили в первый раз. По их глазам Клавка поняла: «Мы спасены».

Полицай отдал им пропуск на выход из города через пропускной пункт. Показал пальцем на мешок, где лежали сапоги. Игнат быстро достал из мешка две пары сапог и две пары туфель и отдал полицая. Полицейский положил колым в свою большую сумку и сделал довольную мину. Немец то-

же остался доволен и, показав пальцем на дверь, сказал:

– Шнелле!

Игнат и Клавка, дождавшись утра, взяли остатки вещей вместе с мешком и отправились в путь. Им нужно было за день пройти тридцать километров по раковской дороге в сторону городского поселка Ивенец.

При выходе из города их остановили на пропускном посту. Новый полицейский и немец. Полицай показал рукой на мешок, который нес Игнат. А Клавка дала ему пропуск. Но полицай поморщился и стал цапать мешок руками. Тогда Клавка быстро достала из мешка хромовые сапоги и отдала их немцу. Немец улыбнулся и показал рукой в сторону дороги. При этом еще сказал:

– Шнелле, шнелле!

И наши знакомые быстрым шагом пошли на запад. Оглянулись они на свой голодный город только тогда, когда уже не было видно полицая. В дальней пешей дороге им было о чем поговорить.

– До моей родной деревни мы дойдем к концу дня, – сказала Клавка. – Зайдем хату только ночью. Показывать тебя сельчанам нельзя. В ближнем местечке создана полиция, тебя могут силой заставить служить немцам. Я спрячу тебя у мамы на чердаке.

Так оно все и вышло. Они пришли в деревню темной ночью. Игнат устроился на чердаке. Теща ему набила пахучим сеном матрас. Игнат смастерил себе из досок кровать, про-

резал щель в защитке для наблюдения за улицей и коротал там дни и ночи.

Когда Павлюк прятал свое сало в саду, Игнат с чердака все видел. И на следующую ночь оно перешло к нему на чердак.

А жители деревни Лесной в одно серое военное утро узнали, что дочка Ганны Черный Халат вернулась домой. И говорили о том, как в мирное время она не хотела ее признавать. Но никто не знал, что в их деревне появился незнакомый человек – вор.

Когда Павлюк обнаружил пропажу сала, он пришел в ужас. «В мой дом идет голод», – подумал он. Убитый горем, пошел к гадалке. Гадалка разложила на дубовый стол карты и все сказала как на духу:

– Через три дня к тебе придет человек, чтобы ты ему одолжил домашнюю вещь. Он и украл твое сало.

Три дня хозяину дома, в котором была беда, показались вечностью. Он уже начал сомневаться в правдивости слов гадалки.

А утром на четвертый день к Павлюку пришел парень, сын его троюродной сестры, и попросил одолжить ему топор. Нисколько не сомневаясь, что перед ним вор, Павлюк взял из-под лавы топор и направил его на парня. Но тот увернулся и выскочил из дома.

До самого дома своей троюродной сестры с поднятым над головой топором бежал Павлюк, но не догнал парнишку. В деревне потом говорили, что только грыжа помешала ему

сделать его черное дело.

Остров зла

Байка

Жил на небольшом острове дракон по кличке Сатана. Бог сослал его с большой земли за грехи великие. Люди из поколения в поколение передавали о нем страшные былины. Отцы говорили своим детям: «Живет в горах злой дух – дракон. Злится он и на Бога, и на людей».

А на большой земле в те далекие времена люди работали в поте лица. Они косили траву, вспахивали землю, сеяли зерно, собирали урожай. Строили дома, церкви, поселки, города. Рожали младенцев. Учили грамоте новые поколения. Люди становились умнее.

Одно поколение сменялось другим. Появились богатые и бедные. А среди них – добрые и злые. О том, что на большой земле произошли большие изменения, узнал и дракон. «О, – подумал он. – Надо мне использовать злых и алчных людей в своих целях». И стал он думать, как это сделать. «В одиночку не смогу я выполнить свои планы, – подумал он. – Надо заманить на остров молодых людей – алчных, вредных. И открыть здесь школу. Я буду учить их, как можно прожить легко, не вспахивая землю и не засеивая зерно».

Свое ремесло знал дракон хорошо. Он знал, что только смолоду человека можно сделать слугой зла и насилия. «Я их научу в своей школе делать то, что Бог считает великим

грехом».

Сатане помог случай. На остров приплывали рыбаки, иногда они жгли костры и оставались ночевать. И у коварного дракона созрел план: надо ночью похитить у них молодых людей.

Так постепенно он наворовал десять парней и двух девушек. Жили пленники на острове долго. Питались плодами леса и рыбой. Посещали школу дракона. А дракон в своей школе их учил, как и когда убивать людей. На острове зла кроме школы Сатаны были горы, куда молодые люди ходили на отдых.

И школа Сатаны, и время сделали свое черное дело. Две девушки-пленницы рожали от разных парней детей. Все как запланировал Сатана, ученики которого знали только одно дело: выполнять его приказы.

И он однажды сказал: «Когда вырастет новое поколение моих учеников, мы поедем на большую землю применять на практике мое учение. Мы совершим на большой земле переворот. Мы уничтожим крестьянскую веру. Мы сломаем церковь. Книги, в которых написано „Не убей, не укради, не воруй“, мы бросим в костер. И пойдут войной брат на брата, сын на родного отца. А когда люди опомнятся и поймут, чему я их научил, уже будет поздно что-нибудь поправить. У меня в то время будет уже сильная армия единомышленников. И пускай народ назовет ее армией Сатаны, а я ему скажу: это армия коммунизма».

Пуговка Байка

Жил в городе N один человек. По внешнему виду он ничем не отличался от остальных горожан. Разве что лицо у него было затянуто суровой пленкой, а глаза колючие, острые.

Но гражданам обычного рабочего города некогда было рассматривать прохожих на улице, ведь все мы живем в спешке и не вглядываемся в мелькающие вокруг лица.

А служил этот тайный человек царю-диктатору, который в то злое время правил страной. Много черных дел совершил тайный человек – и по своей воле, и по воле диктатора. Иногда этот маленький человек задумывался: сколько можно выполнять эту черную работу?! Невинных людей в тюрьмы сажать; зло, ложь и клевету нести людям. Все это делать во вред людям ради того, чтобы сохранить подольше власть злодея.

Как-то невзначай он сказал своему начальнику, что по ночам его стала мучить совесть. А тот с него в ответ расписку взял: делать все тайное, черное, и молчать. Подписал – как дьяволу душу продал. После такого краткого разговора тайный раб ушел в себя. По-прежнему писал ложные доносы на своих соседей и думал, как искупить земные грехи.

Но время не подвластно никому. И к нему тоже пришла

старость. Он стал думать: «Как тяжело мне будет умирать!» Пошел купил Библию и стал бессонными ночами молиться. Он даже совершил несколько добрых дел. Решил помочь инвалиду-соседу: отремонтировал старую входную дверь, врезал в нее старый замок, пришил к его пиджаку пуговку и закрыл ему голую грудь.

Но совесть его мучила все равно. Все те старые черные дела всплывали в памяти и приходили к нему и ночью, и днем. Когда ему совсем стало плохо, он подумал: «А как же тот, что сидит на вершине власти, будет умирать? Он в сто раз грешнее меня». И умер.

И предстал он перед Всевышним на суде. Идет, а на его пути костер горит. У костра весы висят, на одной чаше весов его плохие дела лежат. Она повисла над костром. На другой чаше весов, где было написано «Хорошие дела», ключи лежат от квартиры соседа.

«И это все, что я сделал хорошего на том белом свете», — подумал он.

А ангел ему говорит:

— Нет, не все. Мы еще кладем к ключам пуговку, которую ты однажды пришил к поношенному пиджаку старого пенсионера.

А второй ангел сказал:

— Но она не перетянет чашу зла.

И первый ангел положил на чашу зла ложь и беззаконие, которые творил на земле подсудимый. И в этот момент чаша

грехов опустилась в костер.

Люди и тайна

В мои юные годы в родной Аксаковщине я был свидетелем необъяснимых событий. В нашей деревне умерла женщина по причине престарелого возраста. Ее, как и полагается, положили в тризну-домовину. Гроб поставили посреди хаты. Односельчане пришли с ней проститься. Среди них был и я.

К ней подошла тетка Зося. Посмотрела на лицо покойницы и сказала:

– Плохую весть она нам оставляет. Посмотрите на нее – как она не по-стариковски улыбается! Кто-то из молодых сельчан в ближайшее время помрет.

И мы все посмотрели на лицо покойной. Действительно, непонятно было, почему она так улыбалась. Разве может покойник улыбаться? Что бы это значило, думал я.

Новая смерть действительно пришла в Аксаковщину ровно через месяц. Жила в нашей деревне многодетная семья. У старшей семнадцатилетней красавицы дочери Лены было больное сердце. И она ушла из жизни следом за первой покойницей. Мать Лены долго и горько плакала. Люди нашей деревни ей говорили:

– Настя, успокойся. Ведь у тебя есть еще три дочери.

А Настя им в ответ:

– У меня есть десять пальцев. И если любой из них отрежут, мне одинаково жалко и больно.

Люди-загадка

Семь историй

Ту силу, которая руководит нами и всей жизнью на земле, мы называли Богом. Человек создал церкви, храмы, иконы в угоду этой силе. Но эта сила не дает человеку полного ума. Кто она? И как руководит всем живым на земле?

Я думаю, что человек никогда не узнает эту тайну. Не для этого Бог создал человека. Наверное, мы на земле – подопытные божьи создания. Но некоторые тайны Бога человек увидел уже в наше время. И истории об этом я хочу вам рассказать.

История первая

Мой друг Виктор Мысливчик был тяжело болен. Врачи ему поставили диагноз – рак печени. Он был молод и не поверил врачам.

Однажды в окно его квартиры стала клювом стучать птичка. Прилетит, сядет на подоконник и стучит долго-долго. Он об этом рассказал мне и добавил: «Люди говорят, что она в мою квартиру принесла плохую весть».

Однажды Виктор открыл форточку – птичка влетела в квартиру, села на подоконник, постучала клювом и улетела во двор.

И скоро мой друг умер. И такое в нашей жизни случается часто.

Кто эта птичка?..

История вторая

Моя тетя Анна жила в деревне А. Ее сын Валерий плохо с ней поступал, она часто плакала и проклинала его. И вот она умерла. Валерий пошел за колодезной водой. Когда он возвращался, на него напала птичка. Она клевала его то в голову, то в шею. Как он ни отмахивался, она до самого дома преследовала его.

История третья

Мой дядя Семен прошел две войны. В один фронтовой день он уснул в своем окопе. Наши давно оставили свою позицию. И вдруг сквозь сон он слышит голос своей мамы, моей бабушки Марии: «Сынок!»

А он никак не может очнуться.

И вдруг он почувствовал, как чья-то рука, холодная как лед, коснулась его лица.

В одно мгновение дядя очнулся и посмотрел в сторону противника. На их окопы шли немцы с открытыми штыками. Смерть была рядом.

Незаметно для врага ему удалось вылезти из окопа

и скрыться в лесу.

История четвертая

Тетка Зося рассказала мне о том, как ее сестра во время войны спасла свой дом от огня.

Маруся жила в соседней деревне Д. Она была верующей. Карателям было приказано сжечь их деревню дотла за связь с партизанами. Перед тем, как каратели начали выполнять свой черный приказ, Маруся вынесла из дома все вещи в сад, посадила на них своих детей, а вокруг них поставила иконы. Дом обнесла иконой Георгия Победоносца.

Во двор пришли двое немцев. Старший сказал карателю:
– Выполняй, поджигай.

И тот чиркнул спичкой о коробок. Не зажглась. Сколько раз он ни чиркал – не горит. Тогда он достал из кармана зажигалку и снова чиркнул несколько раз. Огня нет.

– Ты что! – заорал на него первый фашист.

И стал чиркать сам. Не зажигается.

– Мы уже сожгли всю деревню, – и с этими словами они ушли со двора.

История пятая

Дело было во время войны. В нашей деревне А. жила одинокая Ганна – гадалка. Сельчане, убитые горем и страхом,

шли к ней погадать, узнать, что будет с деревней.

– Ничего страшного с нашей деревней не случится, – отвечала она. – Ни немцы, ни полицаи не сожгут ее. Будет она гореть только после войны. Трижды.

Люди в это страшное время не поверили ей.

Война кончилась. Дома нашей деревни не горели. Только через пять лет в деревне, уже после войны, случился третий пожар.

И старейший житель нашей деревни Игнат Цецюля сказал нам:

– Все предсказания Ганны-гадалки сбылись.

История шестая

Жила в деревне Борок, что у реки Березина, женщина по кличке Муся. Не признавала она церковь, не верила в Бога. Знала она только работу и жила по пословице: «Женская дорога – от печи до порога».

Родила Муся близняшек – двух девочек. И решила она назвать их одним именем – Ира.

Деревенские старики сказали ей:

– Этого делать нельзя. Поверь нам, мы знаем жизнь.

Не послушала Муся.

– У тебя в доме будет беда, – сказали старики. – Одно имя – одна жизнь.

В тот черный день Мусиным близняшкам Ирам было уже

по семь лет. Пошли они на реку купаться. А вернулась домой к родителям одна Ира. Долго и горько плакала девочка, но не говорила ни слова.

Прошло с тех пор, как утонула ее сестра, сорок дней. И она сказала первые слова – рассказала своей маме, как все случилось:

– Мама, мы с сестрой искупались в реке и вышли на берег. И тут же услышали знакомый голос нашей покойной бабушки: «Ира, иди ко мне». Сестра быстро прыгнула в реку и не вернулась на берег.

История седьмая

О загадочной руке мне рассказал мой земляк Дима.

Они с Николаем дружили всю жизнь. В дружбе прошли их детство и юность. У них появились семьи. Оказалось, что их жены работают в одном магазине и тоже дружат. И оттого их семейная дружба стала еще сильнее. Жили они по пословице: «Мы с тобой, как рыбка с водой». На даче – вместе, на празднике – вместе.

Но жизнь коротка, Николай стал болеть. Он был старше Димы. Неразлучные друзья навещали больного Николая и дома, и в больнице.

И вот в одно апрельское утро, когда Дима с женой еще спали, к ним в окно на пятом этаже постучались. Они услышали голос Николая:

– Вставайте.

И какая-то сила стащила с них одеяло. Они быстро встали и посмотрели в окно: в стекло стучит мужская рука.

Позвонили жене друга. Та сказала, что Николай умер. И тут же пояснила:

– Перед тем, как умереть, попросил позвать Диму. Но не успела я ответить на просьбу, как он сказал: «Ладно, я пойду к нему сам».

Внешние силы

Российский следователь Иванов, который верил в Бога и славился непревзойденным мастерством в своем деле, говорил: «Нераскрытых преступлений у меня нет». Даже легендарный Шерлок Холмс был ему не ровня. Коллеги иногда с завистью говорили о нем: «Как он мог раскрыть такое сложное дело?»

О его необычном таланте знали далеко за пределами России. В Англии случилась трагедия. Был убит сын лорда. Он же – и возможный наследник короля Англии. Все лучшие силы полиции были брошены на раскрытие преступления. Но они его не могли раскрыть.

Дело необычное. Как могло такое случиться? Об этом говорило все королевство.

«Это преступление совершил кто-то из придворных, – говорил отец погибшего сына. – Любой ценой должны его раскрыть. Только необычный следователь-загадка из России может нам помочь, – убеждал он короля Англии. – Иванов дружит с небесными силами. Они ему и помогают в его трудном деле».

И королю пришлось пойти навстречу убитому горем отцу погибшего сына. Пригласили из России следователя Иванова в Лондон.

Россиянин взял пухлую папку, которую составила по это-

му делу полиция. Закрылся в отдельной комнате и просидел там двое суток.

На третий день он зашел в следственный отдел. Вернул папку и улыбнулся. Пару минут помолчал, подумал, и сказал всем, кто там был: «Я могу раскрыть это трудное преступление, только при одном условии: то, как я это сделаю, останется тайной. Я не могу назвать силы, которые мне помогают в трудных делах». Все присутствующие с облегчением вздохнули, а начальник следственного отдела сказал: «Коллега, нам все равно, кто тебе помогает, Бог или черт. Раскрой, найди убийцу».

И опять следователь Иванов закрылся в отдельной комнате на два дня. А когда он вышел, показал достоверные улики против человека, который убил сына лорда. Все ахнули. Им оказался близкий родственник погибшего, которого никто не мог подозревать в убийстве.

Это было сегодня

Я только что закончил свой рассказ «Внешние силы» о загадочном следователе Иванове. И положил его подальше от печати – решил больше не писать о загадках. Но в этот же день жизнь преподнесла мне новые удивительные факты, я снова столкнулся с неразгаданными тайнами.

Мне нужны были ножницы, чтобы обрезать ногти. Я пошел к тумбочке и взял их, но моя правая рука почему-то их не удержала. Ножницы упали, ударив меня по ноге.

Я быстро нагнулся, чтобы поднять, но их там не было. И сколько ни искал – все безрезультатно. Провел рукой по полу во всей комнате, но они словно в воду канули. Где они могли упасть? Ножницы – это же не иголка, которую трудно найти на ковре.

Тут я вспомнил, что были такие непонятные случаи и в прошлом. Старики это явление объясняли просто: «Это сделал домовый. Подожди два дня, и твоя вещь вернется».

И правда, через два дня я увидел свои ножницы. Они лежали на коврикe далеко от места падения. По этому коврику я проводил рукой не один раз. Как такое объяснить?

Та же загадка – о ней мне рассказал мой знакомый художник Сергей Савицкий.

В комнате они были вдвоем: художник Сергей Савицкий и его ученик Михась Коктыш. Савицкий стоял на лестни-

це и рисовал икону «Иисус Христос в пустыне». Михась посмотрел на икону и нелестно отозвался об Иисусе. После этих слов из руки Сергея на пол упала кисть. Он спустился с лестницы, и они вдвоем долго ее искали. Но все поиски были безрезультатны. Кисточка только что была в работе, в краске, падала к ногам Коктыша. И исчезла.

После долгих поисков Михась сказал: «Мы ее не найдем. Во всем виноват я. Ее забрал домовый».

Срок жизни

Легенда

Это было в те далекие времена, когда по Земле обетованной босыми ногами ступал Сын Божий. Когда рождался ребенок, ему в метрику записывали дату рождения и дату смерти. И люди точно знали, сколько им дано прожить на этой земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.